8(с) ЖЗ1
Д766 Друнин В.П.

Тарас Шевченко

1928

8(с)
Д766

В ПОМОЩЬ ШКОЛЬНИКУ

В. П. ДРУНИН

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

XXI

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · 1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

БИБЛИОТЕКА В ПОМОЩЬ ШКОЛЬНИКУ

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

На обществоведческие темы.

Владимирский В. — Колька-сподручник. Рассказ. Стр. 16. Ц. 10 к.

Владимирский В.—Шахта Изумруд. Рассказ. Стр. 82. Ц. 30 к.

Григорьев С. — Паровоз 3-Т 5324. Рассказ. Стр. 56. Ц. 25 к.

Кравченко А. — Как Саша стал красноармейцем. Рассказ. Стр. 80. Ц. 35 к.

Рязанцев В. — Демка Лобан. Повесть. Стр. 96. Ц. 35 к.

Колесникова О.—Методические указания к литературно-художественной серии библиотечки „В помощь школьнику". Стр. 16. Ц. 10 к.

СЕРИЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ

Друнин В. П. — Тарас Шевченко. Стр. 63. Ц. 25 к.

Нейман Л. — Герой Севастопольского восстания лейтенант Шмидт. Стр. 109. Ц. 40 к.

(Другие выпуски готовятся к печати.)

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

8(с)
Д766

БИБЛИОТЕКА „В ПОМОЩЬ ШКОЛЬНИКУ“
СЕРИЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ, № 1

В. П. ДРУНИН

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
СТЕРЕОТИПНОЕ

18 — 24 тысяча

Научно-педагогической секцией Государственного ученого совета допущено для школ I ступени

28880/
ЗВІРЕНО 1961 Р.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

Государственное издательство «Искусство»
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Ленинградское отделение

У, 17. Гиз № 26290/м.
Ленинградский Областлит № 9179.
4 л. Тираж 7000.

1. Раннее детство.

В один летний день 1819 года по большой дороге из села Кирилловки в Звенигород, уездный город Киевской губернии, шел пятилетний мальчик. По внешности своей это был настоящий маленький украинский крестьянин, «хлебороб».[1] На нем была рубаха из грубого домотканного холста, раскрытая на груди, и такого же холста широченные шаровары; на густую копну его белокурых волос, несмотря на летнюю жару, надета была баранья шапчонка. Его загорелые до черноты ноги быстро семенили по «битому шляху»,[2] подымая клубы пыли. Умные глазенки мальчика устремлены были вдаль и не отрывались от того места, где «шлях» круто поднимался вверх. За этой «горой», по мнению мальчика, кончалась земля: там находились те «железные столбы», которые поддерживают небо. Об этих столбах говорила ему его любимая старшая сестра Катерина, и теперь он сам хотел их увидеть.

---

[1] Земледелец.

[2] Проезжая дорога.

По обеим сторонам дороги тянулись хлебные поля, волнуемые легким ветерком. Гладкая степь местами разнообразилась курганами, «могилами», как их называют на Украине. Этих могил не касался плуг, и они пестрели разнообразными цветами. Кое-где нивы пересекались небольшими перелесками, «темными гаями» и небольшими оврагами, «байраками», поросшими густым кустарником. Над перелесками широкими, вольными кругами носились хищные ястребы, высматривая своими зоркими глазами добычу. У самой дороги, в высокой пшенице перекликались перепела, звонко трещали кузнечики, кое-где слышался свист суслика.

А мальчик шел к «железным столбам» и начинал уже уставать. Село, которое он покинул, чуть виднелось позади. Он всецело занят был мыслью о «железных столбах» и, повидимому, совсем не обращал внимания на окружавшую его природу.

Но в конце концов усталость взяла свое: мальчик присел на краю дороги и заснул.

Когда солнце стало уже склоняться к закату, из-за «горы», которая так манила мальчика, появились один за другим четыре воза, запряженные круторогими волами: это кирилловские чумаки [1] возвращались домой с грузом соли.

---

[1] Так назывались украинские казаки, занимавшиеся извозом; обыкновенно они ездили на Дон и в Крым за рыбой и солью.

Поровнявшись с мальчиком, они в недоумении остановились: что тут делает этот хлопец?[1]

— Эй, хлопче, вставай! Ужинать пора!

С этими словами один из чумаков, добродушный старый дед, стал тормошить спящего мальчика. Тот быстро вскочил на ноги и стал протирать глаза.

— Э, да это шевченков Тарас, — воскликнул один из чумаков. — Куда это ты собрался, хлопче?

Мальчик молчал и собирался плакать. Тогда старый чумак взял его на руки, посадил на свой воз, и чумаки опять в молчании пошли около своих волов, которые медленно зашагали по пыльной дороге, покачивая в такт шагу своими круторогими головами.

Когда чумаки с Тарасом въехали в Кирилловку, уже стало смеркаться. Вдоль улиц тянулись возы, с которыми крестьяне возвращались с панского[2] поля, куда они целый день возили навоз. Уставшие и озлобленные «дядьки»[3] мрачно шагали около своих волов.

Кирилловка была крепостной деревней помещика Энгельгардта, а все ее жители — крепостными крестьянами, «кripаками», последнего. Сами они,

---

[1] Мальчик.

[2] Панский — господский, помещичий.

[3] Так на Украине называют взрослых, женатых крестьян.

их семьи, их имущество были в полном распоряжении помещика, на которого они должны были работать без срока и без отдыха. Им было оставлено столько земли, сколько необходимо было, чтобы не умереть с голоду; иначе помещик лишился бы даровых рабочих рук. Помещик все время проводил в праздности, жил на труды крестьян в полном довольстве и смотрел на себя, как на высшее существо, а на крестьян, как на людское стадо, которое самим богом дано ему в полное распоряжение.

Было время, когда на Украине жили лишь свободные хлебопашцы, «вольные казаки», как они себя называли. На Украину издавна зарились и русские и польские помещики. Польские паны лет за триста до того времени, о котором у нас сейчас идет речь, захватили Украину и решили отнять у украинских казаков землю, а их самих сделать своими крепостными. Но украинские казаки были люди свободолюбивые, храбрые, а, главное, привыкшие действовать заодно. Они не хотели покориться панам, не хотели сделаться их «быдлом» [1] и с оружием в руках часто выступали в защиту своей свободы и земли. Много было на Украине кровавых восстаний, много горя выпало на долю украинских казаков, но они отстояли свое правое дело, и им удалось под руководством выбранного ими гетмана [2] Богдана Хмельницкого

[1] Скотом.
[2] Главой государства на Украине.

основать независимое Украинское государство. Украина тогда «была очищена» от помещиков и купцов, которые или бежали в соседние государства или были уничтожены казаками. Казалось, на Украине наступает царство свободного труда.

Но Богдан Хмельницкий и чиновные и богатые казаки скоро увидели, что власть и влияние начинают переходить к бедняцкому и середняцкому казачеству, и решили вступить в союз с Московским государством, чтобы при помощи московских царей и бояр удержать в своих руках богатство и власть.

Московский царь Алексей Михайлович заключил союз с Украиной, как с независимым казачьим государством, но вскоре стал распоряжаться там по-своему: послал туда свое войско и чиновников из бояр и стал отнимать у казаков их вольности и землю. Преемники названного царя продолжали его черное дело. Им стала усердно помогать панская Польша, которая сохранила в своих руках значительную часть Украины. Борьба с двумя государствами была не по силам украинскому трудовому народу, и скоро у него не осталось и тени былой самостоятельности. При этом польские паны в своей части Украины отняли у казаков земли и обратили их в крепостных крестьян; то же самое, хотя несколько позже, сделали и русские помещики, когда Екатерина II, их ставленница, в угоду им издала

указ о прикреплении свободных украинских земледельцев к земле.

В 1768 году в польской части Украины крестьяне восстали против угнетавших их помещиков и капиталистов-купцов. Это восстание получило название гайдамачины, или «колившщины».

Вооруженные пиками, ножами, а то и попросту кольями (отсюда «колившщина»), крестьяне обрушились на панские усадьбы — «экономии» и беспощадно стали расправляться со своими обидчиками. Движение перекинулось и на русскую часть Украины, откуда крестьяне толпами стали переходить через польскую границу и поступать в ряды вооруженных крестьянских отрядов. Мало-по-малу крестьянское восстание настолько окрепло, что гайдамаки стали вступать в правильные сражения с польскими войсками, осаждать и брать города. Так, они взяли город Умань и страшно жестоко расправились там со своими врагами; это событие из украинской крестьянской войны известно под названием «уманьской резни». Во главе восставших стояли тогда запорожец [1] Зализняк (Железняк) и уманский сот-

[1] Нужно различать украинских казаков, живших в городах и селах и занимавшихся главным образом земледелием, и казаков запорожских, образовавших на одном из островов Днепра военное братство, Запорожскую Сечь. Главным занятием запорожцев была война. Екатерина II разорила и уничтожила Сечь в 1775 г., чем вызвала к себе страшную ненависть украинцев, видевших в Сечи свою защитницу.

ник, бывший одно время на службе у поляков. Гонта, ставшие на Украине народными героями.

Русское помещичье правительство поспешило на помощь польским помещикам и послало против гайдамаков сильный воинский отряд, который и подавил крестьянское восстание.

Началась жестокая расправа торжествовавших помещиков с гайдамаками и крестьянами; вскоре и в польской и в русской Украине казачество надолго обратилось в помещичье «быдло». Но оно сохранило жгучую ненависть к своим классовым врагам и стремление к былой свободе.

Тарас Шевченко, с которым мы познакомились на пыльной звенигородской дороге, принадлежал к семье украинского крепостного крестьянина, в которой живы были воспоминания гайдамачины.

К хате Григория Шевченко, отца Тараса, и доставили чумаки нашего маленького путешественника. В это время семья Григория села ужинать, расположившись у порога хаты, вокруг низенького столика: сам Григорий, нестарый еще годами, но изможденный непосильной работой на пана и семью, его жена, совершенно захлопотавшая от беспрестанных хлопот по дому и беспросветной работы на панском и «своем» поле, и старшая сестра Тараса, Катерина, миловидная шестнадцатилетняя девушка, ближайшая помощница матери. Двое детей, моложе Та-

раса, — Ирина и Осип, — не допускавшиеся еще по малолетству к ужину «в кружок», уже спали. Увидев Тараса, Катерина вскочила со своего места, подхватила на руки своего любимого брата и усадила в кружок, шепнув ему на ухо: «Сидай вечерять, приблудо».[1] Ни отец, ни мать, уставшие и занятые своими грустными думами, не обратили никакого внимания на Тараса и продолжали молча хлебать свой пустой борщ. Поужинавши, семья отправилась спать. Катерина сама раздела Тараса и уложила его в постель.

Описанное нами путешествие Тараса к «железным столбам», его возвращение домой с чумаками, ужин в «кружке». сестра Катерина — относятся к самым ранним и любимым воспоминаниям его детства, которые он хранил в течение всей своей жизни.

Семья Григория Шевченко была бедняцкой крепостной семьей. Все ее мысли сводились к постоянным заботам о том, чтобы как-нибудь прокормиться и выполнить «панщину», — все установленные работы на помещика. Нужда в семье была вопиющая, жизнь беспросветная, мрачная. Единственными светлыми промежутками в этой «муке-мученской» были редкие часы в дни праздников, когда в хате Григория собирались пожилые крестьяне и полушопотом рассказывали друг другу сохранившиеся

---

[1] «Садись ужинать, бродяга».

среди них преданья о вольной казачьей жизни и делились воспоминаниями о гайдамачине. Среди них упорно держалось убеждение, что Зализняк и Гонта [1] живы, что они скрываются среди крестьян и скоро снова поведут их против помещиков. Часто во время этих бесед присутствовал и Тарас, который с замиранием сердца слушал рассказы о славных днях свободы украинского трудового народа, рассказы, прерываемые горькими жалобами на непосильный гнет крепостного рабства. Тогда уже просыпались в его душе жгучая ненависть ко всем панам и их покровителям-царям и преклонение перед борцами за счастье крестьянского люда.

До девяти лет Тарас был предоставлен самому себе и случайным заботам своей старшей сестры. Обстановку своего раннего детства он изображает следующим образом:

«Передо мною наша старая белая хата, с потемневшею соломенною крышею и черным дымарем, [2] а около хаты яблоня с краснобокими яблоками, а вокруг яблони цветник, любимец моей незабвенной сестры, моей терпеливой, моей нежной няньки.

[1] Зализняк после усмирения гайдамачины русскими войсками был сослан в Сибирь, а Гонта был выдан польскому правительству, которое предало его мучительной казни: с него содрали 12 полос кожи, затем разрубили на 14 частей, которые были разосланы по городам Украины и прибиты к виселицам.

[2] Трубой.

А у ворот стоит старая развесистая верба с засохшею верхушкой, а за вербою клуня, [1] а за клунею по косогору пойдет уже сад, а за садом левада, [2] а за левадою долина, а в долине тихий, едва журчащий ручеек, уставленный вербами и калиной, опутанный широколиственными темнозелеными лопухами. А в этом ручейке купается белокурый мальчуган; выкупавшись, вбегает в тенистый сад, падает под первою грушей и засыпает... Проснувшись, он смотрит на противоположную гору и думает: «А что же там, за горой? Там должны быть «железные столбы», что поддерживают небо».

Непродолжительно было беззаботное детство Шевченко, когда его не коснулось еще настоящее горе. Впервые он испытал его, когда ему было девять лет, и с тех пор оно уже никогда не оставляло его. В 1823 году умерла мать Тараса, и отец, обремененный большой семьей, женился вторично на вдове, которая привела с собой еще троих малолетних детей. Начался ад в семье Григория Шевченко, «пекло», по выражению Тараса. Мачеха не взлюбила Тараса за его скрытный характер, за нелюбовь к ее детям и нежелание видеть в ней свою новую мать. В домашнем пекле больше всего доставалось Тарасу; постоянные преследования мачехи, ее побои и брань, а также общие условия жизни кре-

[1] Хлебный сарай.

[2] Сенокос.

постной семьи ожесточили его сердце. Он не любил поэтому вспоминать об этих годах своего детства.

Тарас глубоко чувствовал свое одиночество, но по замкнутости своего характера не сходился близко ни с кем из своих родных и сводных братьев и сестер. Одна Катерина своим нежным отношением к брату сумела расположить к себе его сердце, но скоро он должен был и с ней расстаться: она вышла замуж за крестьянина соседней деревни.

2. Годы ученья и скитаний на родине.

Несмотря на «пекло», воцарившееся в семье Григория Шевченко после вторичной его женитьбы, он продолжал заботиться о своих детях и стал посылать Тараса учиться грамоте к одному мещанину. В этом отношении Григорий Шевченко не был исключением среди украинских крестьян: большинство из них сознавало пользу учения, и грамотность среди них, несмотря на тяжелые условия крепостной жизни, была явлением обыкновенным. Такое отношение к ученью было отголоском того времени, когда украинские казаки, будучи свободными земледельцами, были почти поголовно грамотными. Со времени же их перехода под власть помещиков грамотность на Украине стала падать, и к моменту «освобождения крестьян» в 1861 году грамотный крестьянин был уже редким явлением. Но в то время,

к которому относится наш рассказ, помещики не успели еще уничтожить грамотность среди своих крестьян.

Тарас быстро выучился читать, но ученье его прервалось в 1825 году смертью отца. Эта смерть была тяжелым ударом для Тараса. Григорий Шевченко не всецело поддавался влиянию жены и по возможности защищал сына от ее преследований. Сам Григорий был полуграмотным и забитым крепостным крестьянином, но все же он сумел оценить своего сына, как мальчика чрезвычайно способного, и решил серьезно учить его. Умирая, Григорий сделал все распоряжения по своему жалкому имуществу, разделив его между женой и детьми. Тарасу не досталось ничего. О нем умирающий сказал:

«Сыну Тарасу из моего имущества давать ничего не надо. Из него выйдет или что-либо очень хорошее, или большой негодяй. В первом случае он не будет нуждаться в моем наследстве, во втором — оно его не спасет».

Немедленно же после смерти мужа мачеха постаралась выжить ненавистного ей пасынка из дома и отдала его в пастухи. Все лето он пас свиней и овец кирилловских крестьян.

На одной из «могил» широкой украинской степи в рваной домотканной свитке, грязный, нечесанный и «запаршивевший», лежит, подперев голову ру-

ками, одиннадцатилетний Тарас. За пазухой у него ломоть черного хлеба (все его дневное пропитание), возле него на траве лежит длинный кнут. На «могиле» и вокруг нее на «толоке» [1] пасутся свиньи и овцы. Тарас мало обращает внимания на порученное ему стадо: он задумчиво смотрит в синеющую даль, словно сливается с окружающей его нежной природой.

Немало он и передумает, оставаясь по целым дням один в степи. Он уже знает, что за «горой» нет железных столбов, а что и там живут люди, такие же крепостные крестьяне, как и в Кирилловке. Он думает: почему это крестьяне всю свою жизнь работают и живут в безысходной нужде, а паны ничего не делают и живут в довольстве и роскоши. Он вспоминает рассказы дядек о прежних временах, когда не было на Украине панов и вся земля принадлежала свободным казакам; думает о гайдамаках, боровшихся за землю и волю, отнятую у «хлеборобов» жадными панами; думает о Гонте и Зализняке, которые до поры до времени под видом простых «дядек» скрываются, быть может, в Кирилловке.

Так в одиннадцатилетнем крестьянском пастухе зарождалась и зрела любовь к родной старине, сочувствие к обездоленному рабочему люду и жгучая ненависть ко всем его обидчикам.

---

[1] Земля, оставленная под паром.

С наступлением зимы свиней и овец заперли в хлевах, и Тарас остался без дела. Мачеха, не переносившая присутствия пасынка в своей хате, отдала его в ученье к дьячку Бугорскому. Последний был беспросветным пьяницей и настоящим извергом. Он не столько учил Тараса, сколько тиранил его, подвергая при всяком удобном случае сечению розгами. Этого дьячка Тарас возненавидел всеми силами своей детской души и решил ему отомстить за все свои обиды. Однажды, когда Бугорский лежал мертвецки пьяный, Тарас воспользовался припасенными им для ученика розгами и жестоко отодрал своего мучителя.

После этого Тарасу ничего не оставалось делать, как бежать. Явиться домой к мачехе он не решился и некоторое время скрывался в садах, куда сестры носили ему пищу. Затем он отправился в местечко Лисянку к тамошнему дьякону, чтобы учиться у него живописи. Звенигородский уезд тогда славился своими «живописцами», т. е. малярами, писавшими иконы и разрисовывавшими стены и потолки в панских дворцах. У Тараса еще во время его ученья у Бугорского обнаружилась страсть к рисованию: вот как он сам об этом говорит:

Давно то было, — вспоминаю —
Я у дьячка в учебе был,
И как-то раз пятак тихонько
Я у того дьячка стащил.

Я был так беден и несчастен,
Ходил босой и чуть не гол:
Купил бумаги, книжку сделал,
Листки рисунками обвел,
«Сковороду», «Царей с дарами»
Тайком я в книжечку писал
И плакал горькими слезами...[1]

Лисянский дьякон нашел у Тараса большие способности к живописи, но научить его ничему не мог, так как, подобно Бугорскому, был горьким пьяницей, бесчеловечно избивавшим своего ученика. От этого дьякона Шевченко бежал в село Тарасовку, к тамошнему дьячку, также маляру, но последний не нашел у него никаких способностей к живописи и не принял его к себе.

В отчаянии Тарас вернулся в родное село, чтобы опять стать пастухом, но крестьяне не хотели поручить ему своих свиней и овец, находя его неспособным к этому труду. Тогда он попытался было сделаться батраком, но крестьянский труд в условиях крепостного рабства показался ему настолько противным, что он его бросил и опять вернулся к мысли учиться живописи.

В 1829 году, будучи уже пятнадцатилетним подростком, Шевченко отправился в село Хлебновское,

---

[1] «А. О. Козачковскому». «Кобзарь» в переводе Белоусова. Издание Московского Совета Р. и К. Д. 1919 г. Все выдержки из произведений Шевченко позаимствованы из этого издания.

Державна історична бібліотека УРСР

славившееся своими «живописцами». Один из хлебновских мастеров принял его к себе в качестве ученика, познакомил его с основными приемами рисования, но надолго у себя оставить не мог, так как Тарас, будучи крепостным, не имел права отлучаться от своего села, без «отпуска». За этим-то отпуском и попел он к управляющему имением Энгельгардта, Дмитренко.

Дмитренко как раз в это время получил приказ от Энгельгардта, проживающего в Вильне, доставить ему несколько крепостных для определения в «дворовые люди».[1] Дмитренко не только не дал «отпуска» Тарасу, но задержал его у себя, намереваясь, после предварительного испытания его способностей, отправить к Энгельгардту. На испытание Тарас был отдан к повару, который заставлял его носить дрова на кухню, чистить посуду, выливать помои. Но Тарас оказался плохим поваренком: при всяком удобном случае, не обращая внимания на побои, он убегал в какой-нибудь укромный уголок, обыкновенно в сад, и там занимался рисованием.

Дмитренко, заметив страсть Тараса к рисованию, отправил его к Вильну к Энгельгардту с запиской, в которой значилось, что препровождаемый крепостной «годен для комнатного живописца». Но Энгельгардт сделал Тараса «комнатным казачком».

---

[1] Так называлась прислуга помещиков.

т. е. лакеем низшего разряда, который должен был все время сидеть в передней и по первому зову помещика являться к нему в комнаты и исполнять разные поручения: подавать трубки, из которых «господа» курили табак, чистить обувь, разносить письма и т. п.

Так Шевченко из нищенской обстановки крепостной деревни попал в раззолоченные палаты Энгельгардта, крупного помещика, владевшего тысячами крепостных «душ».

3. В лапах у помещика.

Зима 1829 года. Поздняя ночь в виленском доме Энгельгардта. Помещик уехал на бал, и все дворовые люди, истомленные за день опостылевшей работой по уходу за барином, спят по своим каморкам. Но Тарас бодрствует: как казачок, он должен помочь барину раздеться.

Как ни тяжела была его прежняя жизнь на родине, все же она казалась ему теперь необыкновенно заманчивой сравнительно с жизнью в барском доме. Одетый в шутовской лакейский наряд, он, дитя широких украинских степей, должен по целым дням сидеть в темной передней на конике [1] в ожидании барского зова. А барин, повидимому, и за человека

[1] Род длинного сундука, в котором хранились предметы лакейского обихода.

своего казачка не считает: никогда не обратится к нему с ласковым словом, а если взглянет на него, то как-то через голову, с высокомерным барским презрением.

В душе Тараса не угасает страсть к рисованию, но удовлетворить ее нет возможности: казачок не должен заниматься ничем, кроме прислуживания барину; за нарушение этого правила полагалась жестокая порка.

В эту ночь Тарас решил нарушить запрет. Воспользовавшись отсутствием барина и прислуги, он с листом бумаги и карандашом пробрался в комнату, все стены которой были увешаны портретами, и при колеблющемся свете сальной свечки стал срисовывать один из портретов. Молодой художник был так увлечен своей работой, что не заметил, как в комнату вошел вернувшийся с бала помещик. Увидя, чем занят Тарас, Энгельгардт отодрал его за уши, затем вырвал у него из рук лист с начатым портретом, разорвал его и бросил на пол, сказав при этом:

— Сейчас помоги мне раздеться, а завтра утром отправляйся на конюшню.

На конюшне секли розгами провинившихся крепостных. Тарас, конечно, знал это. До самого утра не сомкнул он глаз; тяжелая обида и глухая злоба не давали ему заснуть:

«Проклятые, проклятые паны! Когда же конец вашей черной власти? Когда народ доберется до

вас? Когда же, наконец, во главе его станут Зализняк и Гонта?»

Утром Тараса выпороли на конюшне, и он, полный самой глубокой ненависти к своему помещику, продолжал подавать ему трубки. Но с этого именно времени он стал опять заниматься рисованием при всяком удобном случае с таким рвением, что на эту его страсть обратил внимание даже Энгельгардт.

В том же 1829 году Тарас сопровождал своего помещика во время его поездки в Варшаву. Там Энгельгардт отдал его сначала на выучку к комнатному маляру, а затем и к настоящему живописцу. Но его учение продолжалось недолго: в Польше в это время подготовлялась революция против царского правительства. Энгельгардт, испугавшись ее, поехал в Петербург, а всю свою дворню, в том числе и Тараса, отправил туда же по этапу, т. е. пешком под надзором полиции, которая в то время была всегда к услугам помещиков. Это избавляло Энгельгардта от расходов по перевозке и содержанию дворовых людей и предупреждало их побеги.

Петербург, куда после долгих мытарств прибыл Шевченко, был тогда столицей русских царей. В то время царем был Николай I, которого называли Николаем Палкиным. Это прозвище он заслужил тем, что в его царствование русские рабочие, крестьяне и солдаты, доведенные до крайней степени нищеты

и отчаяния, повиновались своему начальству и помещикам только из-под палки. Николай Палкин был самым богатым русским помещиком и всячески благоволил ко всем дворянам, таким же помещикам, как и он сам, а также покровительствовал богатым купцам, которые продавали помещичий хлеб, добытый трудами крепостных крестьян, и фабрикантам и заводчикам, которые покупали у помещиков лен, пеньку, шерсть, сало для переработки на своих фабриках и заводах при помощи крепостных и наемных рабочих. К услугам помещиков, купцов, фабрикантов и заводчиков был и сам царь, и его чиновники, и войска, и полиция и духовенство. Все это существовало для того, чтобы держать в рабстве рабочих и крестьян, жить на их счет, высасывать из них последние соки. А этого можно было добиться только при помощи грубого насилия, при помощи палки. Стон стоял тогда по всей России: рабочих, крестьян и солдат забивали тогда тысячами до смерти палками, засекали розгами, гноили в тюрьмах. Путем устрашения (террора) несколько десятков тысяч тунеядцев держали в повиновении многомиллионную массу рабочего люда, низведенную на степень рабочего скота: крепостных продавали, закладывали, отдавали в аренду, обменивали на породистых собак. Их сознательно держали в невежестве и повсюду вместо учителей понасадили попов, которые

изо дня в день толковали «простому» народу, что обязанность его — работать на господ и повиноваться начальству, так как такова воля божия; награду же за свой труд и за свою покорность все «трудящиеся и обремененные» получат после смерти где-то «на небесах».

Вскоре после прибытия Шевченко в Петербург Энгельгардт отдал его в учение к «живописцу» Ширяеву, который на самом деле был обыкновенным маляром. Энгельгардт непременно хотел сделать из Тараса «своего» живописца. В это время среди дворни богатых помещиков было много ученых поваров, портных, парикмахеров, музыкантов, живописцев, актеров и т. п. Помещики часто посылали их на заработки и заработанные ими деньги забирали себе.

Ширяев оказался грубым, невежественным, жестоким и жадным человеком. Вместо того, чтобы учить Тараса живописи, он заставлял его красить крыши, стены, заборы и при том грубо обращался с ним и не раз избивал его. А Шевченко шел уже девятнадцатый год. Он стремился к знанию, хотел сделаться настоящим живописцем-художником, а должен был проводить все время в нудной, подневольной работе, которая ничем по существу не отличалась от крепостной и не давала ему никакого удовлетворения. Несмотря на такую безотрадную, тя-

желую жизнь, Шевченко, чувствуя в себе большие дарования, не падал духом.

Светлая белая ночь нависла над Петербургом. В Летнем саду, при бледном, безжизненном свете северной зари, резко выделяются расставленные вдоль дорожек мраморные статуи, изображающие греческих богов в виде красивых людей. На скамейке против одной из статуй сидит парень, босой и без шапки, в засаленном тиковом халате, в рубахе и запачканных краской штанах из грубого деревенского холста. Быстро переводя свой взгляд со статуи на большую тетрадь, которую держит в руках, он торопливо срисовывает красивую фигуру. Это Тарас Шевченко, тайком убежавший ночью из квартиры Ширяева, чтобы на свободе предаться своей благородной страсти. Он очень устал, так как целый день красил крыши; завтра опять предстоит ему та же тяжелая работа, но, увлеченный любимым делом, он не чувствует усталости, не думает об отдыхе. Окончив рисовать, он не спешит домой. Мысленно он переносится на далекую родину с ее темными звездными ночами, с ее степями и «могилами», с обездоленным людом, изнывающим в крепостном рабстве. Рука его опять тянется к карандашу, и листы его заветной тетради теперь покрываются звучными стихами на украинском языке: Тарас не только живописец, — **он и поэт.**

Четыре слишком года тянулась тяжелая жизнь Шевченко у Ширяева. Не будь он так богато одарен, не обладай он необыкновенно сильным характером, настойчивостью и упрямством, его таланты несомненно погибли бы. Мало ли талантливых людей загубили условия жизни в царской России?

В 1836 году Шевченко случайно познакомился с художником Сошенко, тоже украинцем. Сошенко учился живописи в Академии Художеств и, заметив необыкновенные способности Шевченко, решил было и его определить туда же. Но это оказалось невозможным: крепостным доступ в Академию был закрыт. Через Сошенко Тарас познакомился со знаменитым художником Брюлловым, который тоже нашел в нем выдающиеся способности к живописи. И Брюллов стал хлопотать об определении Шевченко в Академию, но так же безуспешно.

Слух о необыкновенном украинском юноше дошел до поэта Жуковского, который также принял в нем участие. Жуковский и Брюллов обратились к Энгельгардту с просьбой отпустить Шевченко на волю, чтобы таким образом сделать возможным поступление его в Академию, но Энгельгардт потребовал за его освобождение 2 500 руб. Таких денег ни Брюллов, ни Жуковский заплатить не могли, и Шевченко грозила опасность остаться крепостным навсегда. По словам Сошенко, Тарас тогда особенно сильно чувствовал всю горечь своего положения кре-

постного раба, а когда услыхал об отказе Энгельгардта отпустить его на волю, то грозился убить его. Желая предупредить непоправимый шаг Тараса, Сошенко рассказал Брюллову о душевном состоянии своего земляка. Тогда Брюллов написал портрет Жуковского и разыграл его в лотерею. Таким образом он выручил 2 500 руб. и выкупил Шевченко на волю. Случилось это 22 апреля 1838 года.

4. Академия. „Кобзарь". Опять на родине. „Общество Кирилла и Мефодия". Арест. Царская расправа.

Наконец-то Шевченко поступил в Академию, где стал работать под руководством Брюллова. Но его страсть к живописи постепенно уступает место увлечению поэзией. Вот что впоследствии, в 1857 году, писал об этом сам Шевченко:

«Я и сам думал, что живопись — моя будущая профессия и насущный хлеб, но, вместо того, чтобы изучать глубокие таинства живописи под руководством такого учителя, как бессмертный Брюллов, я задумывался и лелеял в сердце своем кровожадных «Гайдамаков».[1] Передо мной расстилалась степь, усеянная курганами. Передо мной краса-

---

[1] Поэма Шевченко, воспевающая восстание украинских крестьян против помещиков.

лась моя прекрасная, моя бедная Украина во всей непорочной, меланхолической красоте своей. . .»

В это время Шевченко всячески старался восполнить недостатки своего образования: он много читал, посещал лекции профессоров университета, учился французскому языку и особенно усердно изучал историю Украины. Несмотря на эти занятия и увлечение поэзией, он продолжал делать выдающиеся успехи и в живописи. Так, в 1839 году ему присуждена была Академией Художеств медаль за один рисунок, а впоследствии он получил от Академии звание художника.

В Петербурге он стал известен, как хороший портретист; ему стали заказывать портреты, и на этот заработок он и существовал. Но часто ему приходилось испытывать и нужду, так как заказчики нередко не платили ему за работу; кроме того, из своего небольшого заработка он помогал нуждающимся товарищам.

Освободившись от крепостного рабства, Шевченко все-таки не нашел душевного покоя. Его постоянно преследовала мысль о том, что вся огромная страна, которая тогда называлась Российской Империей, продолжала стонать под игом помещиков; да и родные его братья и сестры попрежнему составляли собственность Энгельгардта.

Свое возмущение существовавшими тогда в России «порядками» он выражал в прекрасных стихо-

творениях на украинском языке, в которых призывал трудовой народ к восстанию против власти царя и помещиков. Эти стихотворения считались тогда «запрещенными», и их, конечно, нельзя было печатать. Они распространялись поэтому путем списывания, и то только среди близких знакомых Шевченко.

В 1840 году Шевченко издал своего «Кобзаря» — небольшой сборник стихотворений, в который вошло только то, что не должно было вызывать подозрений у тогдашнего начальства. При царях вообще, а при Николае I в особенности, нельзя было ничего писать и печатать о тяжелом положении трудового народа, о злоупотреблениях царя, его чиновников, помещиков и капиталистов. Нарушавшие этот запрет подвергались жесточайшим преследованиям со стороны царского правительства, и много талантливых и честных людей погибло в царских застенках только за то, что осмелились писать правду.

После издания «Кобзаря» Шевченко стал известен, как выдающийся поэт, по всей тогдашней России, а в особенности на Украине, где украинский язык и литература подвергались гонениям. Сознательные представители украинских трудовых масс стали смотреть на Шевченко, как на своего вождя в деле освобождения родной страны от царского ига, в деле возрождения ее языка и литературы. Но представители имущих, господствующих классов

встретили «Кобзаря» недружелюбно: в украинском языке они видели «мужицкое» наречие, а Шевченко стали называть «мужицким» поэтом. Слово «мужицкий», т. е. крестьянский, употреблялось среди них, как бранное, уничижительное слово. Но сам Шевченко гордился званием «мужицкого» поэта. В одном из своих писем он пишет: «...Пускай я буду мужицким поэтом... Мне больше ничего и не надо...»

1843 году он поехал на Украину, побывал у всех своих родных, посетил некоторые замечательные исторические места, срисовал много памятников украинской старины. На родине он познакомился со многими помещиками, но вскоре прекратил почти все эти знакомства, так как убедился, что помещики, за очень редкими исключениями, угнетатели и враги трудового народа. Особенно Шевченко был возмущен следующим случаем, о котором рассказывает один из его современников: «Однажды в суровую зиму Лукашевич [1] прислал своего крепостного человека в Яготин [2] к Шевченко за 30 верст по какому-то неважному делу и строго наказал ему возвратиться с ответом в тот же день. Узнав о таком бесчеловечном приказании, Тарас Григорьевич не хотел верить своим ушам; но факт был налицо, и ему пришлось горько разочароваться

[1] Знакомый Шевченко помещик.
[2] Местечко Киевской губернии

в своем мнении о человеке, которого считал порядочным. Шевченко написал Лукашевичу письмо, полное желчи и негодования, и заявил ему, что прекращает навсегда с ним знакомство. В ответ на это письмо Лукашевич ответил Шевченко, что последний слишком зазнался, что он «все-таки мужик и олух», каких у него, Лукашевича, 300 душ. Рассказывая об этом случае, Шевченко плакал, как ребенок».

Крепостное право во время Шевченко было великим злом, не только потому, что от него страдали крестьяне, но и потому, что оно задерживало хозяйственное развитие России.

Труд свободного наемного рабочего всегда производительнее труда подневольного, рабского. Это уже давно поняли те же помещики в Европе, особенно в Англии: стали понимать это и русские помещики, тем более, что после завоевания берегов Черного моря русская торговля с заграницей расширилась, и русский хлеб все больше стали вывозить в заморские страны, где уже стало к этому времени быстро увеличиваться население городов, и своего хлеба не стало хватать. Оживлялась торговля хлебом, помещики стали получать больше денег за него, у них появлялся бо́льший интерес к работе их крестьян, и многие из них приходили к мысли, что если освободить крестьян, особенно без

земли, то они окажутся выгодными для помещиков-арендаторами.

Вот почему среди помещиков стало обнаруживаться недовольство царским правительством, которое не понимало их нужд и всячески старалось поддерживать крепостное право.

Вследствие этого в царствование Николая I среди образованных помещиков и примкнувших к ним выходцев из других классов (крестьян, рабочих, чиновников) стали возникать тайные общества, которые стремились к освобождению крестьян. Одни из этих обществ были знакомы с учением французских социалистов и под их влиянием думали добиться своей цели путем насильственного уничтожения царской власти и устройства республики; другие хотели действовать на царя и помещиков словом убеждения.

Последние общества носили мирный характер, и часто были пропитаны религиозным духом, так что, в сущности, никакой опасности для царской власти не представляли. Тем не менее и они свирепо преследовались Николаем I и его жандармами.

В 1845 году в Киеве было основано тайное общество историком Н. И. Костомаровым. В это время в Киеве был Шевченко. Он познакомился с Костомаровым и его обществом и стал деятельным членом последнего. Общество это было названо «Обществом

Кирилла и Мефодия», в честь этих проповедников христианства среди славян. Главная цель общества заключалась в освобождении крестьян и в объединении всех славян. Этих целей общество думало добиться путем воспитания юношества, развития литературы, повсеместного распространения грамотности и увеличения числа своих членов. Шевченко не разделял взглядов общества на возможность достижения его целей мирным путем, но все-таки принимал живое участие в деятельности общества и на его собраниях выступал с пламенными речами о необходимости уничтожения крепостного права и царской власти.

По доносу какого-то студента, подслушавшего из соседней квартиры разговор Шевченко с другими членами общества, Шевченко был арестован 5 апреля 1847 года за принадлежность к «преступному сообществу». Царь распорядился сдать Шевченко в солдаты Оренбургского батальона с запрещением что-либо писать или рисовать. Запретить писать гениальному поэту! Запретить рисовать талантливому живописцу! На это был способен только такой величайший негодяй и преступник на троне, каким был Николай I.

5. За что Шевченко был отдан в солдаты.

Участие Шевченко в «Обществе Кирилла и Мефодия» было только предлогом для жесточайшей

расправы с ним. На самом деле, царь мстил этому великому крестьянину за его деятельность в качестве поэта и живописца.

Царствование Николая I было временем такого жестокого и бесстыдного самовластия, до которого никогда не доходила даже царская Россия. Мы уже выше упоминали, что и среди дворян-помещиков были и такие, которые стояли за освобождение крестьян, считая более выгодным для себя иметь дело со свободными батраками, чем с подневольными рабами. Но то были самые передовые, образованные и умелые помещики, фабриканты, заводчики. И таких было сравнительно очень немного. Большинство же богатых и отсталых помещиков и сам царь прекрасно понимали, что их власть держится именно на крепостном праве, с уничтожением которого она перейдет в руки более ловких купцов и промышленников. Не желая расставаться с властью, Николай I всеми мерами противился всякой попытке отменить крепостное право и даже старался искоренить самую мысль о возможности освобождения крестьян. Средством для этого, между прочим, служило преследование просвещения и всех, проявлявших малейший почин в искоренении народной темноты и религиозных предрассудков. Это тем легче достигалось, что все население было во всем подчинено произволу царских чиновников и жандармов. Мало того, царь и его правительство ре-

нили усилить гнет крепостного права, чтобы таким образом «выбить дурь из головы крестьян», т. е. лишить их всякой надежды на освобождение. Все это вызывало среди крестьян глухое брожение, а местами и открытые восстания.

Положение крестьян было особенно тяжело на Украине, где к гнету крепостного права присоединялось и национальное угнетение, т. е. преследование украинского языка, литературы, школы, даже народных обычаев, что возбуждало среди крестьян жгучую ненависть к царскому правительству и помещикам. Ненависть эта питалась преданиями о свободной казачьей жизни и воспоминаниями о восстании против помещиков, гайдамачине.

Выразителем этого настроения крепостного украинского крестьянства и был в своей поэзии Тарас Шевченко. Недаром он назвал первый сборник своих стихотворений «Кобзарем». Его поэзия тесно связана с теми украинскими народными произведениями, так называемыми, «думами», которые распевались, да и теперь еще кое-где распеваются народными певцами, «кобзарями».

Как мы уже указывали, в «Кобзарь» вошли только «благонадежные» стихотворения, т. е. такие, какие не казались опасными для «существующего порядка», а лучшие свои стихотворения Шевченко сохранял в рукописях и давал их читать и перепи-

бывать лишь хорошим знакомым. Но «шила в мешке не утаишь»: слухи о замечательных произведениях украинского поэта, проникнутых резким революционным духом, дошли, в конце концов, и до царских жандармов, которые, конечно, постарались с ними познакомиться. Несомненно, прочел их и сам Николай I: этим объясняется та ярость, с которой он мстил Шевченко.

Из многих стихотворений, написанных Шевченко до ареста и бывших в царской России запрещенными, мы отметим наиболее революционные, бывшие причиной жестоких испытаний, выпавших на долю многострадального поэта. Этих стихотворений четыре: «Сон», «Холодный яр», «Заповит» («Завещание») и «Кавказ».

В поэме «Сон» поэт бросает в лицо царю и всем его сторонникам резкий вызов за угнетение рабочего люда, в особенности, украинского. Все это произведение проникнуто такой глубокой ненавистью и вместе с тем презрением к палачам народа, какие могли накопиться в душе крепостного крестьянина, много лет угнетаемого и обираемого «благородными» тунеядцами. Поэт видит сон. Он летит над землей, и перед ним открываются картины его родной Украины:

Смотрю — уж рассветает —
Край неба пылает,
Соловей в лесу дремучем
Солнышко встречает.

Степь и поле — все в тумане;
Тихо ветры веют;
Наклонившись над прудами,
Вербы зеленеют.

От плодов склонились ветви;
Тополи на воле
Стоят себе, словно стражи,
Беседуют в поле.

И вся моя Украина
Повита красою,
Зеленеет, умываясь
Утренней росою.

Недаром Украину за красоту ее природы называют земным раем. Но как же живут люди в этом «раю»?

Сермягу в заплатах с калеки дерут,
Чтоб деток господских одеть потеплее;
Вдову обирают за подать. Берут
Последнего сына — надежду и радость,
В солдаты его отдают:
Их мало, должно быть!.. А вон под забором
Ребенок от голода дух испускает,
А мать его барскую рожь дожинает.

Продолжая свой фантастический полет, поэт оставляет пределы Украины, но всюду встречает зло и насилие. Так, среди снежной пустыни он слышит:

Цепи загремели под землею...
. . . . . .
Взводновалася пустыня

И как буд.о из гробов
На последний суд свой страшный
Встали толпы мертвецов.

То не мертвые восстали,
Не суда просить идут,
А закованные люди
Кандалы свои несут.

Все идут из подземелья,
Слитки золота у них,
Чтоб заткнуть чем было глотку
У несытых и у злых.

Но вот среди необозримой пустыни перед глазами поэта открывается новая картина:

Гляжу — с дорогами, домами,
Со ста иль болёе церквами
Там город. Словно журавли,
По плацу ходят москали [1]
И обуты, и одеты,
Кандалы на них надеты,
Маршируют...
Церкви, да палаты,
Бояре пузаты,
Ни единой хаты.
Смеркалося. И повсюду
Огни засверкали.
Слышу я «ура» в испуге...

---

[1] Москаль — по-украински солдат.

Это Петербург, и в нем парад по тому случаю, что «сегодня сам[1] изволит гулять».

Поэт пробирается «невидимкой» в царские палаты:

Вот он рай-то! Блюдолизы
Золотом залиты...
А вот и сам появился —
Высокий сердитый
Выступает. А с ним женка:
Жизни в ней не много, —
Как опенок засушенный,
Тонка, долгонога.[2]
На вельможах
Серебро и золото;
Словно свиньи, чуть не лопнут,
Мордасты, пузаты.
Аж потеют, а все лезут
До «самих» добраться, —
Может милости великой
Придется дождаться:
Может быть и удостоят,
По милости божьей,
Дать пинька или хоть смажут
По самой по роже.
. . . Стоят они рядами,
Словно онемели,
И ни звука: царь невнятно
Лопочет, царица,
Словно цапля,
Скачет и бодрится.

[1] Николай I.
[2] Жена Николая I.

Вдруг царь:

К вельможе подходит
Да его по роже
Как ударит! Тот — другого,
А другой меньшого.

А «меньшой» уже на улице:

Всех без разбора
Стал лупить для смеха.
Шум на улицах и свалка,
И пошла потеха:
Крик «ура» повсюду слышен,
Весь народ мятется:
«Царь, наш батюшка гуляет!» —
Словно вопль, несется.

Только к утру заснул город. Подданные после царского «гулянья» —

Горьки слезы лили,
Со слезами за «батюшку»
Господа молили.
Смех и слезы! Сердце ноет,
Рвется от досады.

Затем поэт переносится на площадь, где стоит поставленный Екатериной II памятник Петру I. Мысли о них наполняют его ужасом и гневом. Поэт вспоминает о том, как Петр I, решив построить город на необитаемых, болотистых берегах Невы, вывел из Украины 20 000 казаков с их гетманом Павлом Полуботком и заставил их расчищать бо-

лота. Больше половины казаков погибло в непривычном климате от тяжелой работы. Что же касается Полуботка, то Петр, не взлюбив его, заключил его в Петропавловскую крепость, где тот и умер от истощения и тоски по родине. Погибшие казаки и после смерти, в виде стаи птиц, посещают место своей гибели и кружатся над памятником виновника их страданий с жалобами и проклятьями:

...Ты нас с Украины
Гнал и голых и голодных
На снега чужбины.

Шкуры с нас сдирал, из них же
Сделал багряницу:
Нарядился и в обнове
Заложил столицу.

Погляди — теперь повсюду
Церкви, да палаты.
Веселись, палач жестокий,
Проклятый, проклятый!..

Екатерина II завершила дело, начатое Петром I:

Этот «Первый» — распинал он
Нашу Украину,
А «Вторая» доконала
Вдову-сиротину.

Поэт намекает на то, что Екатерина II обратила украинских казаков в крепостных крестьян, отняла у них землю и роздала ее своим любимцам.

Стихотворение «Холодный яр» посвящено воспоминаниям о восстании украинских крестьян против помещиков под предводительством Зализняка и Гонты в 1768 году.

Холодный яр — это глубокий овраг среди лесов Чигиринского уезда, Киевской губернии, где собирались повстанцы-гайдамаки:

Там сбирались гайдамаки,
Табором стояли;
Приготавливали копья,
Ружья исправляли.

В настоящее время — говорит поэт — и пути никто не знает к этому яру:

Где же путь? Зарос ли лесом?
Или засадили
Палачи, чтоб больше к яру
Люди не ходили
На совет, как быть, что делать
С новыми врагами,
Людоедами лихими —
Добрыми панами?

Но нет нужды: украинские крестьяне помнят гайдамачину; они восстанут против помещиков и на этот раз победят:

Над яром
Зализняк витает
И на Умань смотрит зорко
Гонту поджидает!
. . . . . .

Скоро день настанет новый,
Будет жизнь иною,
И огонь из яра вспыхнет,
Потечет рекою.

В «Завещании» поэт просит похоронить его на Украине:

Как умру, похороните
На Украйне милой;
Пусть курган в степи широкой
Будет мне могилой.
Положите так, чтоб видел
Я луга и кручи,
Чтобы слышал, как волнами
Днепр ревет могучий.

Поэт чувствует, что ему не дожить до освобождения его земляков от царской и помещичьей неволи, но он завещает им после его смерти подняться на борьбу за свободу:

Схороните, поднимайтесь,
Цепи разорвите;
Злою вражескою кровью
Волю окропите.
И меня в семье великой,
В братстве вольном, новом
Помянуть не позабудьте
Добрым, тихим словом.

Стихотворение «Кавказ» посвящено памяти друга Шевченко, убитого в бою с черкесами на Кавказе.

Много крови и слез пролито и кавказскими горцами и русскими солдатами «по милости» царей, столько крови и слез, что:

...Напоить
Всех императоров бы стало,
Детей и внуков утопить
Во вдовьих слезах! А девичьим
Слезам, пролитым по ночам,
И меры нет! А слез кровавых
Отцов и маток наших старых,
Горячих, жгучих этих слез
Не реки — море разлилось,
Огнем пылающее море!

Поэт убеждает горцев не падать духом, а продолжать борьбу:

Боритесь и поборете!
. . . . . .
За вас сила, за вас воля
И правда святая.

Едкими словами он бичует «высшие» господствующие классы русского общества и раскрывает те соображения, по которым они вместе со своим царем решили завоевать Кавказ:

Мы христиане: храмы, школы
И все добро, сам бог у нас.
Нам только сакля [1] очи колет:
Зачем она стоит у вас?
Зачем ваш хлеб мы не кидаем,

[1] Горская хижина.

Как псам голодным, вам? Зачем,
Что солнце светит вам и греет,
С вас податей мы не берем?

. . . . . .

Одна Сибирь у нас без края;
А сколько тюрьм кругом стоит!
От молдаванина до финна
На всех языках все молчит,
Знать благоденствует!

. . . . . .

...Еще вы темны,
Святым крестом не просвещены,
В науку к нам: у нас дери,
Дери, да дай, и прямо в рай!
...Чего мы не умеем?
Считаем звезды, гречку сеем...
Продаем, а то и в карты проиграем
Людей крещеных...

Под прикрытием религии, этого «опиума для народа», совершаются самые страшные дела:

Часовни, храмы и иконы,
Ряды свечей и мирры [1] дым,
И пе́ред образом твоим
В поту лица кладем поклоны
За кражу, за войну, за кровь.
Чтоб брата кровь пролить, мы просим,
Пото́м тебе же в дар прино́сим
С пожара краденый покров.

---

[1] Ладана.

Что же это общество может дать горцам после завоевания их страны? За него говорит Шевченко:

Мы научим тюрьмы строить,
Цепи крепкие ковать,
Как носить их, как плести
Узловатые кнуты...
Все покажем, только дайте
Ваши горы нам забрать.

Вот эти-то четыре стихотворения и были главной причиной ярости Николая I и его лютой расправы с Шевченко. Эта ярость со стороны такого деспота вполне понятна: стихотворения Шевченко были не только горячим протестом против всего существовавшего тогда общественного строя, но и революционным призывом, обращенным не только к украинскому, но и ко всем угнетаемым народам. Конечно, Николай I по мстительности своей натуры не мог простить Шевченко и свое изображение в поэме «Сон».

Революционное настроение Шевченко не могло не проявиться и в его живописи. Так, нам известны две картины с определенно революционным содержанием.

В картине «Товарищи» Шевченко изобразил скованных одной цепью двух заключенных в тюрьме. По всем признакам, это не обыкновенные преступники, а так называемые политические, страдающие за свои революционные убеждения.

В другой картине изображается наказание солдата палками. Солдаты стоят, выстроившись в два ряда, с палками в руках. Меж рядов ведут несчастного приговоренного к наказанию. Каждый из солдат должен изо всей силы ударять его палкой.

Это наказание носило во время Николая I, между прочим, название «зеленой улицы». Трудно представить себе что-либо более жестокое. Редко такое наказание не кончалось для наказуемого смертью; да по существу это и была в большинстве случаев смертная казнь, притом страшно мучительная. А между тем, по закону, на бумаге, смертная казнь в России была отменена еще задолго до Николая I.

У нас есть свидетельства современников Шевченко, что эта картина производила на зрителей потрясающее впечатление: многие не могли смотреть на нее без слез.

Нам неизвестно, слыхал ли Николай I об этих именно картинах: не установлено даже точно, когда эти картины написаны. Но это в данном случае и не так важно: важно то, что Шевченко писал картины революционного содержания и об этом известно было царю. что подтверждается его запрещением Шевченко не только писать, но и рисовать.

6. Солдатская лямка.

Осенью 1847 года Шевченко. после кратковременного заключения в Петропавловской крепости.

был доставлен в расположенную в оренбургских степях Орскую крепость, в которой стоял 5-й линейный батальон оренбургского корпуса, куда наш поэт был назначен рядовым, т. е. простым солдатом. При въезде в крепость Шевченко прежде всего бросилась в глаза толпа каторжников с клеймами на лицах. Они исправляли дорогу в ожидании приезда корпусного командира. Тут же обучались солдаты.

Положение солдат в царствование Николая I было ничем не лучше положения каторжников. В солдаты тогда брали путем так называемых рекрутских наборов только лиц «податного сословия», т. е. рабочих и крестьян, причем купцы и фабриканты, числившиеся в этом сословии, могли откупаться от военной службы известной, очень большой по тому времени, суммой денег. Таким образом солдатами служили только бедняки. Такие рекрутские наборы объявлялись через определенные промежутки времени, и тогда каждое населенное место должно было дать известное число рекрутов с каждой тысячи жителей: кроме того, ряды царской армии постоянно пополнялись крестьянами, которых помещики сдавали в солдаты за разные провинности. Чаще всего в число таковых попадали «строптивые», т. е. не желавшие безропотно повиноваться произволу крепостников. В солдаты

иногда сдавались и настоящие преступники и такие «преступники», как Шевченко, «за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений». Срок службы в солдатах доходил до 25 лет. Обучение военному делу было сплошной невыносимой мукой и издевательством над личностью человека. «Сто человек забей, одного выучи», — вот каким правилом должны были руководствоваться офицеры и прочее солдатское начальство при обучении молодых солдат. А офицеры в армейских частях состояли тогда из подонков дворянского сословия и были «рады стараться». Солдат били за все: «повернись — бьют, не повернись — бьют», — эта поговорка возникла среди николаевских солдат. Били жестоко: выбивали зубы, отрывали уши, перебивали барабанные перепонки в ушах, выдергивали усы, выбивали глаза... Стон стоял «на плацу», где обыкновенно происходило солдатское «ученье». Но все это было обыкновенным, привычным, обыденным явлением. Самое же ужасное, что могло постигнуть солдата, — это было за какую-нибудь провинность «попасть под суд». Тут уж ему не было пощады: прав ли был солдат, виновен ли, — все равно обыкновенно для «острастки» его присуждали к «зеленой улице». Мы уже говорили выше, что̀ это такое было.

Таким способом обучения вполне сознательно стремились сделать из солдата бездушную машину,

уничтожить в нем все человеческие чувства, оставив ему лишь одно чувство безграничного, чисто животного, страха, под влиянием которого он должен был быть готовым лезть в огонь и воду по первому слову своего начальства.

И эта цель, — тяжело сознаться, — при Николае I была достигнута: рекрут, оставшийся в живых после николаевского «учения» и переведенный в разряд старых солдат, боялся только одного — «зеленой улицы» и, чтоб избежать прогулки по ней, был готов на все.

Такова была «опора трона» Николая I, таково было это «христолюбивое воинство».

Орская крепость, в которой Шевченко начал свою солдатскую службу, находилась среди огромной бесплодной пустыни. «Редко можно встретить, — писал Шевченко, — такую бесхарактерную местность. Плоско и плоско. Местоположение грустное, однообразное; топкие речки Урал и Орь, обнаженные серые горы и бесконечная киргизская степь». Такая обстановка должна была производить на Шевченко, привыкшего к живописной и богатой природе Украины, самое угнетающее впечатление. А тут еще пришлось жить в «смердячей» казарме и 34-х лет от роду проходить мучительную солдатскую выучку, к которой он оказался совершенно неспособным.

Чтобы избавить поэта от смерти под николаевскими палками, друзья Шевченко постарались расположить в его пользу офицеров. С этой целью они присылали ему деньги, на которые он покупал водку и угощал все свое начальство, состоявшее сплошь из людей грубых, необразованных, проводивших время в непросыпном пьянстве. Это спасало несчастного поэта от истязаний, но имело гибельное влияние на него: угощая офицеров, он сам должен был с ними пить водку и таким образом пристрастился к ней. Мало-по-малу он привык искать в водке забвения от невыносимой казарменной жизни.

Пытка, придуманная для Шевченко Николаем I, оказалась действительной: запрещение писать и рисовать было причиной постоянных тяжелых его страданий. Начальство Шевченко, не осмеливаясь нарушить волю царя, зорко следило, чтобы она не была нарушена. Изредка, в праздничные дни, Шевченко уходил далеко в степь и там, на клочках бумаги, которую он прятал в голенищах сапог, пытался писать. Но в таких условиях создать что-либо действительно ценное, конечно, было невозможно.

Изо дня в день тянулась в Орской крепости бесконечно-тяжелая жизнь этого великого страдальца. Свое душевное состояние в это время он изображает в одном из своих писем: «Все прежние

мои страдания в сравнении с настоящими — детские слезы. Горько, невыносимо горько!»

Дело дошло до того, что Шевченко через свое начальство обратился с прошением к Николаю I разрешить ему хотя бы рисовать, но не тронул каменного сердца деспота.

В 1848 году в условиях жизни Шевченко произошла некоторая перемена к лучшему.

Тогда была снаряжена под начальством лейтенанта [1] Бунакова экспедиция для изучения Аральского моря. К этой экспедиции был прикомандирован Шевченко. Во время плавания по Аральскому морю Бунаков поручил ему зарисовать берега. После окончания работ экспедиции Бунаков взял с собой Шевченко в Оренбург для работ «по отделке живописных видов, что невозможно было сделать на море». В Оренбурге Шевченко несколько ожил: он вел здесь жизнь частного человека и даже ходил в штатском платье. Но эта сравнительно сносная жизнь поэта продолжалась недолго. Нашлись «доброжелатели», которые донесли Николаю I об образе жизни Шевченко в Оренбурге, в результате чего Бунаков получил «высочайший» выговор, а несчастного поэта отправили в 1850 году в Новопетровское укрепление, расположенное на азиат-

[1] Морской офицерский чин.

ском берегу Каспийского моря. Это была трущоба. еще худшая, чем Орская крепость. Здесь Шевченко пришлось прожить на положении бесправного николаевского солдата еще целых семь лет.

Условия жизни Шевченко в Новопетровском укреплении были гораздо тяжелее, чем в Орской крепости. Начальником Шевченко был грубый и жестокий капитан. Новый начальник приставил к Тарасу «дядьку», на обязанности которого было следить, чтобы опальный поэт не смел ничего ни писать, ни рисовать. При таком надзоре Шевченко в течение почти двух лет не написал ни одного письма. Кроме того. его постоянно мучили бессмысленным солдатским «ученьем». В своих воспоминаниях об этом времени Шевченко пишет: «Сердце, бывало, трепещет, замирает, а я, бывало, «фабрю» усы, [1] надеваю мундир и иду на ученье пред лицом командира, а лицо у него красное с хмелю, и я должен был похоронить в себе всякое человеческое чувство, сделаться бездушным автоматом и молча, не краснея, не бледнея, выслушивать всякие нравственные поучения».

1854 год. Плоский, неприглядный берег Каспийского моря. Ленивые волны с мягким шумом набегают на берег, на котором сидит старый солдат Тарас Шевченко.

---

[1] Тогда все солдаты носили усы, которые красили в черный цвет.

Теперь никто не узнал бы в этом преждевременно поседевшем и изможденном солдате, наряженном в какой-то полуарестантский мундир, прежнего поэта. Глаза его устремлены туда, где далеко-далеко, за морем и горами, раскинулась его родная Украина, где живет обездоленный крепостной люд. Долгие годы солдатской «муштры» не могли погасить в нем любовь к этому люду и страстную ненависть к его поработителям. Напротив, еще более разожгли их.

К Шевченко, томившемуся в солдатской неволе, вполне применимы стихи, посвященные поэтом в стихотворении «Кавказ» Прометею,[1] которого за любовь к людям:

Орел карает:
Каждый день долбит он ребра,
Сердце разрывает.
Разрывает, да не может
Выпить кровь живую:
Вновь смеется сердце, чуя
Силу молодую.
. . . . . .
Не скует души живой он
И живого слова...

Все попытки друзей Шевченко сократить время его ссылки не приводили ни к чему, и поэт стал терять надежду на свое освобождение:

[1] Прометей — греческий герой. По сказаниям греков, он похитил с неба огонь и передал его людям. За это Зевс приковал Прометея к кавказской скале, где его терзал орел.

Родился и вырос в неволе, да и умру, кажется, солдатом... Какой-нибудь да был бы конец, а то, право, надоело», — писал он в одном письме.

Но вот в 1855 году умер Николай I, и вступил на престол его сын Александр II, который, желая прослыть «добрым» царем, объявил целый ряд «помилований». Даже царские жандармы нашли, что пора положить конец страданиям Шевченко: они поместили его в список лиц, подлежавших «помилованию». Но Александр II вычеркнул поэта из этого списка, так как и этому царю Шевченко казался слишком опасным. Только летом 1857 года Шевченко получил освобождение в форме приказа «об увольнении в отставку рядового Тараса Шевченко». Но и это запоздалое освобождение поэта было обставлено такой массой формальностей, что ему удалось приехать в Петербург только в марте 1858 года, т. е. почти год спустя после «помилования».

7. Последние годы жизни. Значение деятельности Шевченко.

Десять лет прослужил Шевченко солдатом; за это время, по его собственному выражению, его «вывернули наизнанку». Действительно, он был арестован будучи сильным, здоровым человеком в цвете лет, а вернулся в Петербург хилым, седым стариком, хотя ему шел тогда всего 44-й год. Сол-

датская «муштра» и нравственные страдания, вызванные запрещением писать и рисовать, сломили крепкий крестьянский организм Шевченко, но не поколебали его сильного духа. Приехав в Петербург, он вошел в круг лучших представителей тогдашней русской литературы и живописи и опять стал работать. Он стал готовить к печати новое, дополненное издание своего «Кобзаря», первое издание которого было изъято и уничтожено Николаем I, разрабатывал план издания на украинском языке ряда книг для крестьян, писал стихи и занимался живописью и гравированием. Стихи, написанные Шевченко после освобождения из ссылки, не так художественны, как те, которые он написал до своего ареста, но они проникнуты еще большей ненавистью к царям, помещикам и духовенству, которое затемняло сознание народа сказками о божественном происхождении царской власти. Так, в стихотворении, написанном в 1860 году, он мечтает о том времени, когда:

...люди тихо,
Без всякого лихого лиха
Царя на плаху поведут.

В другом стихотворении, относящемся к этому же времени, поэт пишет:

Будем, братец,
На онучи ризы рвать,
Из кадил раскурим трубки,

Печь иконами растопим.
Будем, братец, в новой хате
Пол кропилом подметать. [1]

Необходимо отметить перемену, которая произошла во взглядах поэта за время его ссылки. Прежде причину страданий украинского народа он находил главным образом в национальном гнете, в том, что ее захватили русские цари, и спасение своей страны видел в отделении ее от России и в восстановлении власти гетманов. Теперь же он понял, что все зло заключается не столько во власти русских царей, сколько в собственных, украинских панах-помещиках, которые поддерживают эту власть: что в случае освобождения Украины от власти царей и перехода этой власти в руки гетманов положение трудового народа нисколько не изменится; что все эти гетманы, все эти «национальные герои» были, в сущности, такими же врагами трудовых масс, как и цари; что если они боролись с Россией и Польшей за независимость Украины, то только потому, что имели в виду единственную цель — самим эксплуатировать трудящихся Украины в своих интересах, без всяких соперников. Поэтому, по мнению поэта, нужно бороться со всеми панами, какой бы национальности они ни были, нужно во всех странах уничтожить паразитов, отнять у них землю и все на-

[1] Это стихотворение не вошло в «Кобзарь», изданный в 1919 г. Московским Советом Р. и К. Д.

грабленное ими и их предками добро и передать народу. Нужно прежде всего стремиться не к национальной независимости, при которой все равно земля, все богатство и власть останутся в руках врагов трудящихся, а к такому общественному порядку, при котором вся земля, все богатства и вся власть перейдут в руки трудящихся.

Если до своей ссылки поэт в своих революционных произведениях имел в виду почти исключительно своих обездоленных земляков, то теперь он задумывается над судьбой всех народов, томящихся в нищете и рабстве, и всюду видит одну и ту же причину всех их несчастий. Так, в стихотворении «Саул», написанном в 1860 году, он говорит:

В Китае, вечным сном объятом,
В Египте темном и у нас,
И по-над Индом и Ефратом
Своих ягняток и теляток
На поле вольном вольно пас
Пастух, забот, тревог не зная,
Как будто то клочок был рая.
Без дум тревожных он пасет
Скотинку, доит и стрижет
И песенки себе поет.
А вдруг нелегкая несет
Царя с законом, палачами,
С князьями, темными рабами...
Как воры, ночью прискакали,
Скотину, пастухов забрали
И из убогих шалашей

Добро похитили, детей,
Сестру, жену они схватили,
Растлили все и осквернили,
С собою осквернённых взяли,
В работу-каторгу послали...
Шел день за днем. Рабы молчали.
Цари родились и росли
И Вавилоны воздвигали.
А маги, бонзы [1] и жрецы,
Как наши батюшки-отцы, [2]
В тех храмах хорошо питались,
Как кабаны царям на сало
Иль на колбасы. А цари
Все воздвигали алтари
(Как будто бы их было мало),
Чтобы рабы им поклонялись.

В 1869 году Шевченко посетил Украину и побывал на родине, где некоторое время гостил у сестры и брата. Но и на этот раз не много радости принесла ему эта поездка; здесь все оставалось попрежнему: тот же помещичий гнет, тот же произвол царских чиновников. И в это посещение Украины Шевченко был арестован за «бунтовские речи» по доносу одного помещика. Правда, его скоро освободили, но с условием немедленного отъезда в Петербург.

Велики были нравственные страдания Шевченко, и это подтачивало подорванное жизнью в цар-

[1] Маги — вавилонские жрецы, бонзы — буддийские жрецы.
[2] Наше духовенство.

ских казармах его здоровье. В 1860 году вышел в свет его «Кобзарь» в новом, дополненном издании. На этот раз выход «Кобзаря» был встречен с восторгом и в России, а на Украине. по словам одного из современников. по «Кобзарю» и богу стали молиться. Революционные стихотворения не вошли, конечно. и в это издание, но они распространялись в списках и делали имя Шевченко известным и почетным среди революционно настроенных кругов России. Украины, Польши и других стран.

Умер Шевченко от водянки 20 февраля 1861 года, сорока семи лет от роду (родился он 25 февраля 1814 года). Первоначально он был похоронен в Петербурге. но уже 25 апреля того же года, согласно его «Завещанию», тело его было вырыто, отправлено на Украину и похоронено на высоком берегу Днепра близ города Киева. «Тарасова могила» сделалась священным местом для украинских крестьян. Они тысячами стали стекаться к могиле. чтобы поклониться праху своего великого земляка.

Но враги трудового народа не оставили в покое Шевченко и после смерти. Так, каневский «предводитель дворянства» (представитель помещиков каневского уезда) послал своему начальству письменный донос. в котором между прочим написал следующее: «Тело Шевченко погребено столь торжественно. восторг для него возбужден с таким искусством и с такой ревностью. что народ толпами соби-

рается на его могиле. Идущие на богомолье в Киев люди идут сюда как к священному месту, почитают Шевченко как бы народным пророком своим, а каждое его слово — заветом для народа. Видя в его сочинениях, что резня священными ножами [1] изображена делом, составляющим славу здешнего народа, легко можно себе представить, какими чувствами одушевляются в этом месте прохожие». В виду этого «предводитель дворянства» просит «удалить из уезда проповедников гайдамачины, воспретить продажу произведений Шевченко, поставить военную силу для предупреждения бунта и разрыть могилу Шевченко».

На этот раз царские чиновники оказались скромнее предводителя дворянства и не осмелились осквернить могилу общепризнанного поэта, пользовавшегося, кроме того, такими широкими симпатиями в крестьянских массах.

Как человек, поэт и живописец, Шевченко был революционером. Он смело бросал вызов царям и их приспешникам, удобно усевшимся на шее трудового народа. Он открыто призывал народ к восстанию против этих паразитов. В этом отношении Шевченко — плоть от плоти трудового народа, которому всегда чужды всякие, обыкновенно бесплод-

[1] В поэме «Гайдамаки» Шевченко изображает, как восставшие крестьяне, собравшись в лесу близ Чигирина, вооружались освященными предварительно ножами.

ные, протесты, и недовольство которого всегда проявляется в решительных действиях, в бунте. Всю свою жизнь Шевченко был великим и опаснейшим для старого порядка бунтарем.

Но в его деятельности нужно отметить также крупную заслугу в деле национального возрождения украинского народа. Свободное развитие национальных особенностей народов нисколько не противоречит революционным стремлениям рабочих масс; напротив, оно служит верным залогом и необходимым условием успешности их совместной работы в деле создания новых, более совершенных форм общественной жизни.

Украинская народность подвергалась жестоким преследованиям со стороны и польского и русского правительства. Украинский язык был изгнан из школ и государственных учреждений, на нем, как общее правило, воспрещено было печатание книг и газет, словом — его только терпели, как язык низшего, «подлого» класса. Среди так называемых образованных классов России и Польши установилось нелепое мнение, что украинский язык и не язык вовсе, а жаргон, смесь русского и польского языков, что этот жаргон не поддается обработке, что на нем невозможно писать литературные произведения и научные сочинения. Правда, и до Шевченко появлялись изредка, в виде исключения, книги на украинском языке, но они по своему содержанию

и духу были чужды широким народным массам и никакого влияния на них не имели. Это целиком относится и к произведениям Котляревского, которого буржуазия считает основателем украинской литературы. Шевченко первый заговорил на языке украинского крестьянина, первый из писателей стал ему понятен и близок, так как творил в духе народной украинской поэзии. Он первый раскрыл все богатство, музыкальность и силу украинского языка и ввел его в семью культурных языков. Таким образом, Шевченко, а не кто-либо другой, является родоначальником украинской литературы.

Попутно нельзя не указать еще на одну особенность творчества Шевченко: в его произведениях со жгучей ненавистью к угнетателям трудовых народных масс уживались глубокая любовь ко всем несчастным и обездоленным и тонкое чувство природы. Особенно трогательна его любовь к детям, особенно тепло его чувство к матерям.

Деятельность Шевченко, как революционера и поэта, в настоящее время нашла себе полное признание. Недаром на Украине рабочие и крестьяне на своих собраниях после «Интернационала» поют «Заповит» («Завещание»), недаром в ознаменование победы Октябрьской революции они соорудили на могиле Шевченко, вместо украшавшего его креста, более достойный великого сына Украины памятник.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
1. Раннее детство	3
2. Годы ученья и скитаний на родине	13
3. В лапах у помещика	19
4. Академия. «Кобзарь». Опять на родине. «Общество Кирилла и Мефодия». Арест. Царская расправа .	26
5. За что Шевченко был отдан в солдаты	32
6. Солдатская лямка	46
7. Последние годы жизни. Значение деятельности Шевченко	54